

**ПОЛИТИКА, ГОСУДАРСТВО, ВЛАСТЬ
В КОНЦЕПЦИИ РУССКОЙ ИСТОРИИ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО***

Моцелков Евгений Николаевич, доктор политических наук

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский проспект, д. 27, корп. 4
E-mail: enm@inbox.ru

Статья посвящена творчеству выдающегося русского историка и политолога В.О. Ключевскому. Автором рассматривается место политического дискурса в историософии русского ученого, влияние его идей на научное и политическое умонастроение российского общества его времени, дается анализ его собственных идей по целому ряду ключевых вопросов современной политической науки.

Ключевые слова: история, политика, власть, элита, народ, методология, государственный порядок, нравственность, прогноз.

**POLICY, STATE, POWER
IN THE CONCEPT OF RUSSIAN HISTORY OF V.O. KLYUCHEVSKY**

Moschelkov Evgeny N., D.Sc. (Political Science)

Lomonosov Moscow State University
27-4 Lomonosovskiy prospekt, GSP-1, Moscow, 119991, Russia
E-mail: enm@inbox.ru

The paper is devoted to the creative work of the outstanding Russian historian and the political scientist V.O. Klyuchevsky. The author considers the place of political discourse in historiography of the Russian scientist, the influence of his ideas on scientific and political mood of the Russian society of his time, gives the analysis of his own ideas on a number of key problems of modern political science.

Keywords: History, Policy, Power, Elite, People, Methodology, State order, Moralsh, Forecast.

Имя и труды выдающегося отечественного историка В.О. Ключевского (1841–1911) широко известны как у нас в стране, так и за рубежом. Но, несмотря на регулярное издание его трудов, а также немалое количество научных исследований его наследия [См. библиографию основных работ, посвященных личности и наследию В.О. Ключевского: 30, с. 87–88], существенным недостатком остается изучение неисторических взглядов Ключевского и, в частности, его оригинальных и глубоких положений и обобщений, относящихся к политической жизни общества, к природе и функционированию государственной власти.

Место политического в историософии Ключевского. Не в последнюю очередь слабый интерес исследователей к политическим (или лучше – политологическим) воззрениям Ключевского был обусловлен упрощенной трактовкой его исторической концепции. О существовании и глубоком содержании такой концепции стали говорить уже его ученики и непосредственные последователи. Так, например, по мнению Б.И. Сыромятникова, «установить правильный взгляд на Ключевского возможно только в том случае, если мы выдвинем на первый план его значение, как главы нового исторического направления, утвердившего новый метод в русской исторической науке» [25, с. 60]. Этот метод ученики и последователи Ключевского назовут «социологическим» или «историко-социологическим» [21, с. 86; 25, с. 106].

В отличие от своих учителей (С.М. Соловьёв, Б.Н. Чичерин), которые в основе исторического процесса рассматривали юридическое, или государственное начало (родовую организацию русской, и прежде всего, древнерусской государственности), Ключевский анализирует развитие русской истории в совокупности трех начал, факторов – политического, социального и экономического. По мнению И. Бородина,

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Грант № 11-03-00097а.

этот новый подход или метод Ключевского привел к тому, что «на смену прежней прагматики или сухим формально-правовым построениям теперь появилась история н а р о д а, история о б щ е с т в а» [3, с. 310]. Формулировки М.М. Богословского: «Всего охотнее его [Ключевского] мысль направляется к истории общественных классов»; и далее – «Если бы нужно было определить главную, господствующую склонность Ключевского как историка, я бы назвал его историком общественных классов» [2, с. 37, 39].

«Социология» Ключевского – это концепция об органических взаимосвязях различных сфер общества обществе, о разграничении этих сфер по их функциям и по обеспечению ими определенных общественных интересов.

В литературе встречается мнение о том, что «социологический» метод Ключевского отражал в определенном смысле предметное поле социологии конца XIX – начала XX в., которое было значительно шире современного понимания и включало в себя вопросы политического развития общества [4, с. 25–37]. Следует отметить, что эта точка не совсем точна. Дело в том, что после введения в действие Университетского устава 1863 г политические науки, хотя и не без проволочек, получили статус самостоятельных образовательных дисциплин в рамках юридического факультета российских университетов. Студентам этих факультетов преподавались история философии права¹, политическая экономия. Большие разделы современной политологии включались в курсы государственного и конституционного права. Ключевский, который в этот период (после 1863 г.) закончил свое обучение в Московском университете и приступил к преподавательской деятельности, конечно, не мог не знать и не учитывать в своих работах указанные выше новейшие течения в гуманитарных науках.

«Социологическими» метод и концепция Ключевского могут называться только условно; в них создана редкая для того периода времени модель интерпретации исторических (общественных) процессов как взаимосвязанной совокупности различных сфер – политической и экономической, прежде всего.

Очень интересно, например, понимание Ключевским соотношения этих сфер. «Политическая и экономическая жизнь, – пишет В.О. Ключевский, – не составляет чего-то цельного, однородного, какой-то особой сферы людской жизни ... Жизнь политическая и жизнь экономическая – это различные области жизни, мало сродные между собою по своему существу. В той и другой господствуют полярно противоположные начала: в политической – общее благо, в экономической – личный материальный интерес; одно начало требует постоянных жертв, другое – питает ненасытный эгоизм... Между тем человеческое общежитие строится взаимодействием обоих вечно борющихся начал. Такое взаимодействие становится возможным потому, что в составе частного интереса есть элементы, которые обуздывают его эгоистические увлечения ... Следовательно, взаимным отношением обоих начал, политического и экономического, торжеством одного из них над другим, справедливым равновесием обоих измеряется уровень общежития ...» [13, с. 57–58].

Таким образом, важнейшим основанием «социологического» метода Ключевского является определение специфики и органической связи всеобщего, надличностного интереса, общего блага (*политическая сфера*), с одной стороны, и частного, личного, прежде всего – материального интереса (*экономическая сфера*), с другой.

Взаимовлияние политического и экономического («политического факта» и «экономического факта»). В своей историософской концепции Ключевскому удалось (что является редкостью для мыслителей XIX в.) выйти за рамки материалистического и идеалистического подходов в трактовке исторического процесса, в интерпретации соотношения политического и экономического. Характерно, что свой подход к данной проблеме Ключевский раскрывает на материале русской и мировой истории. Анализируя реальные исторические процессы, Ключевский делает вывод, что во многих случаях «господствующий капитал становится источником власти, его

¹ Современное название данной дисциплины – «История политических учений» или «История правовых и политических учений».

операции соединяются с привилегиями, его владельцы образуют правительство, экономические классы превращаются в политические сословия» [7, с. 7] и в этих случаях экономический фактор является, безусловно, первичным и определяющим по отношению к политическому и другим сферам общественной жизни. Или как пишет Ключевский: «Политические факты вытекают из экономических, как их последствия» [7, с. 7]¹.

Вместе с тем, Ключевский показывает, что в реальной истории неоднократно наблюдались такие ситуации, когда экономические отношения формировались внешней силой, когда «страна подверглась завоеванию, которое ввело в нее новый общественный класс, изменив положение и отношение прежних, туземных» [7, с. 7]. «Пользуясь правом победы, – пишет далее Ключевский, – этот класс берет в свое распоряжение труд побежденного народа. Перемены, какие происходят от этого в течение народно-хозяйственной жизни, являются прямыми последствиями политического факта...; и все эти новые экономические факты будут следствием предшествующих им фактов политических» [7, с. 7–8]. По мнению Ключевского, именно такие процессы создавали многие государства средневековой Европы, которые образовались из провинций Римской империи [7, с. 8].

А в рамках какой схемы развивалась русская история? На этот вопрос мы находим у Ключевского прямой, хотя и сложный, ответ. Как один из наиболее глубоких знатоков русской истории, Ключевский считает, что «в истории нашего общества, по-видимому, господствовали смешанные процессы...; простейшие политические и общественные формации создавались посредством очень сложных процессов, короткие расстояния проходились длинными извилистыми путями» [7, с. 11]. Ключевский считает указанное обстоятельство «одной из самых характерных особенностей нашей истории» [7, с. 11]. Представляется, что именно это реальное обстоятельство и не позволяет без очевидных натяжек объяснить русскую историю классическими (западными) моделями исторического процесса.

Рассмотренные выше исходные концептуальные позиции позволили Ключевскому сформулировать достаточно оригинальные и глубокие представления о политической власти, о государстве, а также по ряду других проблем, составляющих костяк современной политической философии.

Политическая власть и государство. Свое понимание политической власти Ключевский раскрывает на историческом примере появления Русского государства. Он показывает, что первоначально призванный на Русь «варяжский князь со всей дружиной» представляли собой лишь *вооруженную силу*, которая на первых порах принудительно сплачивала «бессвязные части» – разрозненные и часто враждебные друг другу славянские племена. Это удалось сделать только благодаря тому, что фактор вооруженной силы дополнялся реально существующим (экономическим, военным и др.) общим интересом, который существовал у этих разрозненных племен [13, с. 160]. И как только, по убеждению Ключевского, «варяжский князь с дружиной» сумел стать «носителем и охранителем общего интереса...», этот князь с дружиной из вооруженной силы превратился в политическую власть» [13, с. 160].

Таким образом, политическая власть для Ключевского – это организованная сила для представления и охранения *общего интереса* определенных социальных групп, сосуществующих и взаимодействующих на определенном географическом пространстве. Для России исторически это относится ко времени прихода на Русь Рюрика («варяжский князь» [13, с. 160]).

Правда, необходимо отметить, что для Ключевского, сила в основании власти должна иметь определенную функцию. Этой функцией является поддержание права; или иными словами, политическая власть является материальная, принудительная, т.е. физическая сила поддерживающая определенный правовой порядок [13, с. 160].

¹ «Политический факт» и «экономический факт» – это оригинальные термины Ключевского, которыми он подчеркивает, что основания для своих обобщающих теоретических выводов он находит в реальных событиях и процессах мировой и русской истории.

Одновременно с превращением объединительной вооруженной силы в *политическую власть*, по Ключевскому, разрозненный и слабо организованный властный конгломерат превращается в *государство*. Это две взаимосвязанные стороны одного исторического процесса. Ключевский иллюстрирует этот процесс опять же на примерах российской истории.

Для Ключевского общественное образование превращается в государство, только тогда, когда возникает общественное признание существующей власти. И дальнейшее существование государства связано с этим признанием. «Фактически, – пишет Ключевский, – государства основываются различным образом, но юридическим моментом их возникновения считается общественное признание властвующей силы властью права» [13, с. 155] (Основными элементами государства Ключевский считал *верховную власть, народ, закон и общее благо* [14, с. 16]). Именно таким образом, по мнению Ключевского, было образовано Русское государство, или Киевское княжество – «первая форма русского государства» [14, с. 159].

Деспотическое государство, т.е. такое государство, в котором существующая власть узурпирована и существует вне и тем более вопреки общественному признанию – это, для Ключевского, аномальное государство. Тем самым Ключевский вырабатывает определение государства, согласно которому государство – это такое устройство национальной политической жизни, когда у власти есть признание и поддержка общества. Этим определяется и крайне негативное отношение Ключевского к абсолютной форме монархии. «Абсолютная власть без оправдывающих ее личных качеств носителя, – по убеждению историка, – обыкновенно становится слугой или своего окружения, или общественного класса, которого она боится и в котором ищет себе опору» [15, с. 307]¹.

Государство Ключевский считал высшей и наиболее совершенной ступенью социально-исторического процесса. На начальной стадии этого процесса формируется *семья* (физиологические основы кровной связи), затем – *род* (общее имущество, иерархическая соподчиненность во главе со старейшиной, круговая самооборона). На следующем этапе исторической эволюции общества возникает *племя* (единство языка, общие обычаи и предания). Потом из племён вырастает *народ* (к связям этнографическим присоединяется нравственная, сознание духовного единства, воспитанное общей жизнью и совокупной деятельностью, общность исторических судеб и интересов). И наконец, на завершающей (пятой) ступени возникает *государство* [13, с. 42]². «Народ становится государством, – пишет Ключевский, – когда чувство национального единства получает выражение в связях политических, в единстве верховной власти и закона» [13, с. 42]. Вот именно это «единство власти и закона», т.е. когда любая (в том числе и монархическая власть) едина с законом, а значит – и ограничена им, и является у Ключевского базовым основанием для определения некоей общественной конструкции государством.

В ходе исторической эволюции, по концепции Ключевского, происходит трансформация людских союзов от их естественных видов (семья, род, племя) к искусственным, каковым является государство. Племя в этом случае как раз является «переходным состоянием, стоящими между естественными и искусственными союзами» [16, с. 10–13]. Главной целью государства, как искусственного союза является, по Ключевскому, «1) *внешняя безопасность* и 2) *внутренний порядок*; или *общее благо*, в понятие которого и входят эти два интереса» [16, с. 13].

¹ Встречается у Ключевского и более резкая характеристика: «Самовластие само по себе противно как политический принцип. Его никогда не признает гражданская совесть...» [15, с. 203]. А в дневниковой записи от 9–12 декабря 1905 г. у Ключевского промелькнула вообще очень едкая характеристика российской монархии – «полное затхлое, черносотенное самодержавие» [8, с. 340].

² По оценкам ряда исследователей схема эволюции историческим форм человеческого общежития у Ключевского (семья, род, племя, народ, государство) во многом схожа с подходом к этому вопросу М. Сперанского (семейство, род, гражданское общество, государство), который, в свою очередь, опирался на принципы «Философии права» Гегеля [1, с. 11; 22, с. 17, 171; 27, с. 162].

Другой важнейшей характеристикой государства для Ключевского является его органичная связь с народом. «Государство как народный союз, – пишет Ключевский, – почерпает свою силу в народной мощи и растет вместе с нею, содействуя и ее росту – таково первоначальное и естественное отношение между государством и народом» [15, с. 408]. Российское государство на протяжении своей истории стремилось стать таким народным союзом, но реальность была другой [14, с. 49]. Особенно резко дисгармония государства и народа в русской истории проявилось, по Ключевскому, в конце XVI – начале XVII в., что и стало главнейшей причиной Смуты. Тогда, как отмечает Ключевский, «московские люди» представляли себе, что «Московское государство, в котором они живут, есть государство московского государя, а не московского или русского народа. Для них были нераздельными понятия не государство и народ, а государство и государь известной династии; они скорее могли представить себе государя без народа, чем государство без этого государя» [14, с. 49]. Именно в период Смуты эти представления были поколеблены. В условиях пресечения многовековой рюриковской династии и в чехарде различных правителей, люди увидели, что даже и тогда государство может существовать и «даже без государя». «Из-за лица, – пишет Ключевский, – проглянула идея, и эта идея государства, отделяясь от мысли о государе, стала сливаться с понятием народа» [14, с. 63].

Примечательно, что в современном массовом сознании, включая и сознание политической элиты, государство отождествляется с правительством, с высшими органами управления страной. Ключевский же, как мы определили выше, придерживался другой точки зрения. Государство у него отождествляется с народом, ибо это народный союз, который «не может принадлежать никому, кроме самого народа» [14, с. 48]. Русская история (например, периода Смуты начала XVII в.) свидетельствует о том, что государство может существовать и без правительства (или с недееспособным, и даже антинациональным правительством). Но государство не может существовать без народа. В начале XVII в. не правительство, а именно народ, выдвинув из своей среды мало известных до этого предводителей и собрав ополчение, вывел страну из беды и спас российскую государственность.

Вошедшая после Смуты на русский престол новая романовская династия начала свое становление уже в условиях других политических настроений и представлений, которые стали преобладать, как среди правящего класса, так и среди населения. Окончательно разделение понятий «государь» и «государство», по мнению Ключевского, произвел Петр I [15, с. 193]¹.

Вместе с тем необходимо отметить, что гармонии «государства» (и «государя») и «народа» так не удалось достичь на всем протяжении монархической истории России. Эта гармония в XIX в. оставалась недостижимым идеалом, желанной целью государственно-административных трансформаций как для конструктивных консерваторов (напр. Р. Фадеев), так и для умеренных (земских) конституционалистов (напр. Д. Шипов).

В вопросе о сущности государства Ключевский применяет, по сути, философский подход к анализу политической истории. *Сущее* (т.е. то, что реально происходило в русской и мировой истории) он анализирует через призму *должного* (т.е. через призму тех форм государства, которые представляются ему идеальными и наиболее совершенными). Реально существующий на различных этапах российской истории государственный порядок Ключевский оценивает на основании своих представ-

¹ Но нужно учитывать, что государство (даже его монархическая форма), созданное Петром, было очень далеко от совершенства. Ключевский это хорошо понимал: «Деятельность Петра, – пишет историк, – сплелась из противоречий самодержавного произвола и госуд[арственной] идеи общего блага; только он никак не мог согласить эти два начала, которые никогда не помирятся друг с другом» – Ключевский В.О. Разрозненные афоризмы [1889–1899 гг.] // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. М., 1990. Т. IX. С. 431.

лений о том, каким этот государственный порядок на самом деле должен быть¹. Такое сопоставление сущего и должного в рамках философского анализа истории является фундаментальным, предметообразующим подходом для современной философии политики.

Рассматривая данный оригинальный подход Ключевского к пониманию статуса государства в обществе, необходимо иметь в виду, что трактовка государства наиболее продуктивна именно в контексте философско-политического анализа, который выработал две важнейшие парадигмы (интерпретации) категориальной пары «государство – гражданское общество» – западную и восточную (в философии политики государство невозможно рассматривать без его взаимосвязи с гражданским обществом). Эти философско-политические парадигмы основаны на понимании того, что государство и гражданское общество – это две взаимно обусловленные субстанции целостного социума, возникшего на определенной исторической ступени развития человеческого общества. По классическим определениям Гегеля, государство («сфера всеобщего интереса») и гражданское общество («сфера частного интереса») не могут существовать одно без другого. Гражданское общество необходимо для воспроизводства человеческой жизни, а государство – для обеспечения устойчивого и безопасного существования гражданского общества. Но интерпретация статуса и соотношения этих субстанций может быть различной.

В западной парадигме – «государство–гражданское общество» – это дихотомия двух самостоятельных частей целого. Здесь главное – эти части, а не целое; динамика самостоятельных частей определяет развитие и состояние целого и создает поле для плюрализма в политике, идеологии и т.д. (теоретическая рефлексия неоднородного, многослоевого социума). В западной традиции было две версии – идеалистическая (Гегель) и материалистическая (Маркс). В первой государство определяет гражданское общество (Гегель «Философия права», 1821); во второй, наоборот, гражданское общество определяет государство (Маркс и Энгельс «Немецкая идеология», 1846).

Согласно восточной парадигме «государство – гражданское общество» есть одно (единое) целое, которое определяет части; динамика этого целого определяет развитие частей, их взаимодействие (теоретическая рефлексия монизма в политике и власти).

Ключевский по сути предлагает третью, смешанную («западно-восточную») парадигму феномена «государство – гражданское общество», в которой идеалом государственного устройства российского общества являлась такая система, в которой образуется органичная связь власти и народа, государства и гражданского общества.

Политический (государственный) порядок. Понятие «политический (или государственный) порядок» – это оригинальное понятие Ключевского. У этого порядка, по Ключевскому, есть две доминанты – *право* и *политика*. Право (или догматика права) – это совокупность «общих форм и принципов государственного порядка», тогда как политика – «это совокупность разнообразных практических средств достижения государственных целей» [13, с. 367] (У Ключевского есть и еще одно афористическое определение политики: «Политика должна быть не более и не менее, как прикладной историей» [5, с. 6]).

Сущность политического порядка особенно четко проявляется в его соотношении с экономическим порядком. С одной стороны, историк проводит четкое различие между политическим и экономическим порядком, считая, что в них «господствуют полярно противоположные начала» [13, с. 56]. Первый для него – это сфера общего

¹ Необходимо отметить, что о трагическом несовпадении сущего и должного в историческом развитии государства Ключевский начал задумываться уже в молодые годы. Так, например, в дневниковой записи от 18 июня 1868 г. (историку – 27 лет) мы читаем: «Высший пункт, который наметило себе человечество как цель трудного процесса определения человеческих отношений, но которое оно еще далеко не вполне достигло даже в лучших своих обществах, есть благоустроенное государство и свободная личность. Но эти цели, намеченные сознанием, еще вполне принадлежат к области упований, и разве преувеличивающий глаз способен усмотреть в действительности слабые признаки их осуществления» [17, с. 292].

блага, общих интересов, которая основана на власти и повиновении, второй – это сфера личной свободы и личной инициативы [13, с. 57].

Но, с другой стороны, Ключевский подчеркивает жесткую соподчиненность этих порядков, или сфер общества. И ключ этой соподчиненности, по Ключевскому, следует искать именно в политическом порядке. Он пишет: «Политический порядок в своем окончательном виде всегда отражает в себе совокупность и общий характер частных людских интересов и отношений, которые он поддерживает и на которых сам держится» [13, с. 346–347]. Такое диалектическое понимание соотношения политического и экономического, материального выходит уже за рамки теории политики, или политологии, а является предметным полем философии политики, где важны смыслы (природа явлений, процессов в их целостности и взаимодействии), а не формы или механизмы.

Анализируя средневековый период развития Руси, Ключевский обращает внимание на формирование особой формы соотношения власти и собственности. Дело в том, что становление российского государства в XIII–XIV вв. происходило в виде колонизации новых территорий вокруг Московского центра. В ходе этой колонизации на новые территории переносилось не только политическое управление центра, но и происходила экономико-хозяйственная и культурная экспансия ресурсов этих территорий (уделов). Достигалось это тем, что местный князь сосредотачивал в своих руках не только политическую, но и экономическую власть, становясь не только верховным правителем этой территории (удела), но собственником экономико-хозяйственного и людского потенциала этого удела [13, с. 336–366]. Ключевский уже не только как историк, но и как политический философ прозорливо уловил, что такой «удельный порядок» создавал изначальную матрицу российской государственности «власть-собственность», от различных конфигураций которой будет в определяющей степени зависеть состояние российского государства и общества на всем протяжении ее последующей истории [23, с. 53–71].

Ключевский обращает также внимание и на то, что удельный порядок формировал не только определенную систему власти и собственности, но и соответствующий этой системе «взгляд на государство». Этот взгляд сводился к простому представлению населения о том, что *государство* есть «*хозяйство* московских государей племени Ивана Калиты» [6, с. 61]. Смутное время привело к созданию новой политико-государственной и экономической системы в России, что, в свою очередь, обусловило и кардинальную смену представлений о государстве. «Фамильная московская община, – пишет Ключевский, – стала национальным союзом русского народа во имя всенародного блага, московский государь-хозяин – верховным блюстителем этого блага, а его дворовые слуги и земельные работники – его подданными. Таким образом, Смутное время заменило в общественном сознании *династическое* понимание Московского государства пониманием *национально-политическим*» [6, с. 61].

Остается только добавить, что, конечно, в такой характеристике российской государственности, сформировавшейся в период выхода России из Смутного времени Ключевский допускает элемент идеализации действительного положения дел. Но здесь опять проявляется его неизменный подход как политического философа к определению «идеальных форм», к отстаиванию и раскрытию должного, вопреки сущему.

Политика, власть и нравственность. Ключевский был одним из первых русских ученых XIX в., кто поставил в отечественной общественной мысли проблему соотношения власти, политики и нравственности. По его твердому убеждению, политическая власть не может возникнуть, а тем более развиваться вне нравственного поля, вне нравственных устоев и традиций народа. «Политическая крепость, – писал Ключевский, – прочна только тогда, когда держится на силе нравственной» [11, с. 75]. Огромную роль в становлении и укреплении этой «нравственной силы» а истории русского государства, по мнению Ключевского, принадлежит русской православной церкви. В устроении политического и правового порядка на Руси в первые века становления государственности, церкви удалось осуществить «три дела»: 1) «сделать гражданский закон проводником нравственного начала»; 2) «построить гражданский

союз, в котором закон опирался бы на нравственное чувство и даже им заменялся»; 3) «настроить личную волю к отречению от своих законных прав во имя нравственного чувства» [19, с. 342]. Высшей целью церкви в ее делах, считал Ключевский было «заменить принудительные требования права свободной потребностью в правде» [19, с. 342]. Конечно, как и указанные выше «три дела», так и общая высшая цель деятельности церкви на государственном поле никогда полностью в истории России не были реализованы. Но обозначенные Ключевским нравственные основы государственного порядка можно считать критерием его прочности и благополучия. Чем ближе мы приближаемся к реализации этих нравственных основ в государственной жизни, тем прочнее и гуманнее власть, государство, и наоборот.

Серьезные негативные последствия для нравственных основ русского общества и государства было нанесено, по мнению Ключевского, проникновением на Русь западных ценностей и норм, которое произошло в XVII в. «До XVII в., писал Ключевский, – русское общество отличалось цельностью своего нравственного состава ... Западное влияние разрушило эту цельность ... Раскол, происшедший в русской церкви XVII в., был церковным отражением этого нравственного раздвоения, вызванного западным влиянием в русском обществе. Тогда стали у нас друг против друга два мировоззрения, два враждебных порядка понятий и чувств. Два лагеря» [9, с. 13–14]¹. Это раздвоение красной нитью прошло через всю последующую русскую историю, то затухая, ослабевая на время, то обостряясь с новой силой. Остается оно и сегодня.

Предпочтения и прогнозы Ключевского по поводу политико-государственного развития России. На протяжении всей своей жизни Ключевский занимал отстраненную позицию по отношению к реальным политическим процессам в России, стараясь, как правило, воздерживаться от высказываний и оценок конкретных политических событий. Все его усилия были направлены, главным образом, на преподавательскую и научную деятельность. Один из его биографов – С.О. Шмидт – пишет: «Ключевский – человек замкнутого характера, не склонен был к участию в общественно возбуждающих действиях, да и сверстники его, чуя огромность и необычность его дарования, оберегали своего научно столь перспективного товарища и не втягивали его в свои не безопасные для будущности дела» [29, с. 329].

Не случайно, в достаточно обширном научном наследии Ключевского мы находим лишь небольшое количество суждений и выводов ученого о наиболее рациональном, с его точки зрения, государственном устройстве России. Так, рассуждая в дневниковых записях от 12 декабря 1905 г. о возможных вариантах принятия стратегических решений на предстоящем Учредительном собрании (тогда эта идея носилась в воздухе), Ключевский приходит к выводу, что у этого собрания нет рациональной перспективы. По его мнению, либо это собрание должно подтвердить Манифест 17 октября, но в этом случае оно является никчемным; либо установить старый самодержавный порядок, но тогда оно станет реакционным; либо оно должно под нажимом революции упразднить всякую монархию, но тогда оно сольется с революцией [8, с. 340]. Из контекста записей Ключевского видно, что ему неприемлемы все три указанных варианта. Что же тогда было для Ключевского наиболее ра-

¹ В одной из своих работ конца XIX в. Ключевский так характеризует последствия западного влияния для России: «Сложилась знаменательная антитеза, вошедшая характерным элементом в мировоззрение значительной части русского общества: пытливый и своевольный разум, пытающийся святотатственно проникнуть в заповедные тайны бытия и мироздания и переделать по-своему и то и другое, противопоставлен был разуму, плененному в послушание веры и руководимому Откровением; при этом было признано, что первый есть дух западной латинской науки и жизни, в второй составляет душу восточного грекороссийского православия...; два братски-родственных мира, западный и восточный были поссорены; два понимания, обращенные на совершенно различные предметы и долженствующие поддерживать друг друга, поставлены были в отношении взаимного отрицания...; две благотворнейшие силы человеческого духа, вера и разум, самой природой своей предназначенные к дружному союзничеству и на союзе которых держится полнота и гармония духовной жизни, превратились в противосторонние житейские направления, в несходные и несоизмеримые мировоззрения...» [10, с. 409–410].

циональной государственной моделью для России? Похоже, такой моделью была конституционная монархия. В этом смысле весьма характерно положение Ключевского от 1897 г. в его «Кратком пособии по русской истории»¹: «В непрерывном взаимодействии правительственной власти и народного представительства, крепнущего в борьбе с ее преобладанием, и заключается залог будущего развития государства и усвоения правительством культурных начал конституционной монархии» [12, с. 184] (Данная позиция обусловило то, что позднее он примкнул к партии кадетов, хотя по ряду вопросов был левее кадетов) [30, с. 82].

Но какую конституционную монархию хотел видеть Ключевский в России? Похоже, его идеал был далек от западных образцов. Об этом, в частности, свидетельствует и его крайне отрицательное отношение к политическим партиям (на основе которых построены были уже в конце XIX в. западные парламентские системы). «Я вообще, — пишет в этой связи Ключевский, — не сочувствую партийно-политическому делению общества при организации народного представительства. Это: 1) шаблонная репетиция чужого опыта; 2) игра в жмурки» [8, с. 355].

Вопрос о том, на какой основе должно строиться народное представительство, был ключевым для Ключевского. Партийный принцип, как видно из его отношения к российским партиям, он отвергал. Не приемлемой он считал и сословную, в том числе и земскую основу [8, с. 351–352; 20, с. 337]. Решение этого вопроса, по мнению Ключевского, должно исходить из явно выраженных групп интересов, которые кристаллизуются в «общественных классах» и здесь не должно быть никаких импровизаций. «Жизнь, — утверждает Ключевский по этому поводу, — должна сама создавать свои формы, прилаженные к наличным условиям места и времени» [8, с. 352].

В основе такого подхода Ключевского к построению различных форм политического устройства России на различных этапах ее истории, и особенно в начале XX в., лежала чрезвычайно важная, как с научно-методологической, так и с практической точек зрения мысль ученого о самобытном характере политико-правовых систем. «...*Право, формы власти, политические учреждения*, — по твердому убеждению историка, — никогда не переходят целиком из эпохи в эпоху, из союза в союз. Были попытки искусственного, механического усвоения чужих политических и юридических форм; эти попытки были только историческими опытами, чрезвычайно драгоценными для нас, ибо они доказывают только невозможность перенесения этих элементов; под чужими влияниями политические и юридические формы и отношения изменяются, но они не переносятся» [16, с. 57]².

Говоря о политических взглядах и предпочтениях В.О. Ключевского, необходимо иметь в виду, что, во-первых, они на протяжении его жизни претерпели определенную эволюцию [28, с. 177–178], а во-вторых, что Ключевский никогда не был политиком, или даже политическим публицистом; в своих обобщениях политических процессов он выступает как оригинальный политический философ. «Ключевский, — считал русский мыслитель первой половины XX в. Г. Федоров, — был слишком сложен, чтобы вложиться в направление» [26, с. 98].

* * *

Суммируя положения и выводы Ключевского по поводу интерпретации проблемы политического, которые можно по крупицам собрать в его богатейшем научном наследии, посвященном анализу исторического процесса России, можно так сформулировать политико-государственный идеал Ключевского: **государство долж-**

¹ Следует отметить, что это произведение Ключевского с период с 1897 по 1917 г. выдержало 8 изданий, и поэтому в нем не могло содержаться случайных, не устоявшихся мыслей.

² В другом месте Ключевский из своих исследований мировых исторических процессов делает характерный вывод: «Один и тот же политический порядок имел неодинаковую судьбу в разных местах и приводил к разным последствиям...»; [этот порядок, обеспечивая общественное благополучие в одном месте] «...на иной почве не принимался, портился, разрушал спокойствие и благосостояние целого общества и уступал место другому, казавшемуся худшим...» [18, с. 308, 309].

но быть высшей и наиболее совершенной исторической формой человеческого общежития. Политическая власть в таком государстве имеет безусловную и полную поддержку народа, а деятельность государства как народного союза основана на самобытных традициях государственной жизни, на высоких нравственных принципах и направлена на обеспечение общего блага (внешней безопасности и внутреннего порядка).

В заключении остается только добавить два соображения.

Первое. Многие работы и выступления Ключевского последних лет его жизни были пронизаны глубоким пессимизмом относительно будущего России. Об этом, в частности, свидетельствует один из современников историка – П.Б. Струве. После встречи и беседы с Ключевским в 1908 г. Струве, называя историка «одним из мудрейших и учнейших русских людей», пишет следующее: «Я поразился тому, как мрачно он смотрит на судьбы России, какими безысходными противоречиями полна для него современная наша политическая жизнь» [24, с. 117].

В определенном смысле в этом пессимизме было закодировано и предчувствие Ключевского предстоящих тяжелых испытаний для России. Предчувствие, которое, к сожалению, оправдалось через шесть лет после смерти историка в катастрофических изломах 1917 г., и вина за которые в очень большой степени ложилась на несовершенно государственную власть в России конца XIX – начала XX в.

Второе. Вызывает удивление и восхищение и то, что именно историк (а не государствовед или философ) в конце XIX – начале XX в. ясно и наглядно объяснил, как нужно устраивать и поддерживать государственную власть в России. Это было сделано не в специальном научном политико-философском трактате и даже не в отдельной научной статье, а было мастерски вплетено в канву научных исследований отечественной истории разных эпох. Многие поэтому и поняли его глубокие и прозорливые политические выводы и положения, как нечто относящееся к прошлому, как теоретический комментарий исторических событий и процессов. На самом деле, это был совет и наказ великого историка настоящим и будущим властителям России. Это было глубоко продуманное и обоснованное понимание одним из глубочайших знатоков русской истории и русской жизни того, как должна строиться российская государственность и российское общество, чтобы они смогли создать устойчивое и динамичное процветание России, которое позволило бы избежать революций и гражданских войн и обеспечило бы ведущее политическое и экономическое положение России в мире.

Тогда, в начале XX в., советы и наказания Ключевского не были услышаны и поняты, но актуальными и полезными они остаются и для сегодняшнего дня России.

Список литературы

1. Александров А. А. Реформатор В.О. Ключевский о М.М. Сперанском / А. А. Александров // Ключевский : сб. мат.-лов. – Пенза, 1995. – Вып. 1.
2. Богословский М. М. В.О. Ключевский как ученый / М. М. Богословский // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. – Москва, 1912.
3. Бородин И. Памяти В.О. Ключевского / И. Бородин // Современный мир. – 1911. – № 5.
4. Карагодин А. И. «Философия истории» В.О. Ключевского / А. И. Карагодин. – Саратов, 1976.
5. Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники / В. О. Ключевский. – Москва, 1993.
6. Ключевский В. О. Бедствия гораздо больше, чем книги и лекции, обучили людей истории / В. О. Ключевский // Родина. – 1991. – № 1.
7. Ключевский В. О. Боярская дума Древней Руси / В. О. Ключевский // В.О. Ключевский. О государственности в России. – Москва, 2003.
8. Ключевский В. О. Дневники и дневниковые записи / В. О. Ключевский // В.О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. – Москва, 1990. – Т. IX.
9. Ключевский В. О. Западное влияние в России после Петра / В. О. Ключевский // В.О. Ключевский. Неопубликованные произведения. – Москва, 1983.
10. Ключевский В. О. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. / В. О. Ключевский // В.О. Ключевский. Очерки и речи. Второй сборник статей. – Прага, 1918.

11. Ключевский В. О. Значение преподобного Сергия для русского народа и государства / В. О. Ключевский // В.О. Ключевский. Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – Москва, 1990.
12. Ключевский В. О. Краткое пособие по русской истории / В. О. Ключевский. – Москва, 1992.
13. Ключевский В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский // В.О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. – Москва, 1987. – Т. I.
14. Ключевский В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский // В.О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. – Москва, 1988. – Т. III.
15. Ключевский В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский // В.О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. – Москва, 1989. – Т. IV.
16. Ключевский В. О. Методология русской истории / В. О. Ключевский // В.О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. – Москва, 1989. – Т. VI.
17. Ключевский В. О. Разрозненные афоризмы (1889–1899 гг.) / В. О. Ключевский // В.О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. – Москва, 1990. – Т. IX.
18. Ключевский В. О. Сергей Михайлович Соловьёв / В. О. Ключевский // В.О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. – Москва, 1989. – Т. VII.
19. Ключевский В. О. Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка / В. О. Ключевский // В.О. Ключевский. Православие в России. – Москва, 2000.
20. Ключевский В. О. Состав представительства на Земских соборах Древней Руси / В. О. Ключевский // В.О. Ключевский. Сочинения : в 9 т. – Москва, 1990. – Т. VIII.
21. Ключевский В. О. Характеристики и воспоминания / В. О. Ключевский. – Москва, 1912.
22. Медушевский А. Н. История русской социологии / А. Н. Медушевский. – Москва, 1993.
23. Моцелков Е. Н. Переходные процессы в России: Опыт ретроспективно-компаративного анализа социальной и политической динамики / Е. Н. Моцелков. – Москва, 1996.
24. Струве П. Б. *Patriotica*: Политика, культура, религия, социализм / П. Б. Струве. – Москва, 1997.
25. Сыромятников Б. И. В.О. Ключевский и Б.Н. Чичерин / Б. И. Сыромятников // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. – Москва, 1912.
26. Федоров Г. Россия Ключевского / Г. Федоров // Наше наследие. – Москва, 1991. – (Переиздание публикации 1932 г.).
27. Черепнин Л. В. В.О. Ключевский // Очерки истории исторической науки в СССР / Л. В. Черепнин. – Москва, 1960. – Т. 2.
28. Шаханов А. Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX в. Московский и Петербургский университеты / А. Н. Шаханов. – Москва, 2003.
29. Шмидт С. О. Ключевский и культура России / С. О. Шмидт // Ключевский. Сборник материалов. – Пенза, 1995. – Вып. 1.
30. Щербань Н. В. Памяти великого историка. К 165-летию со дня рождения В.О. Ключевского / Н. В. Щербань // Отечественная история. – 2006. – № 2.

References

1. Aleksandrov A.A. Reformer V.O. Kljuhevskij o M.M. Speranskom [The reformer V.O. Klyuchevsky about M.M. Speransky]. *Kljuhevskij: Sbornik materialov* [Klyuchevsky: collection of materials]. Penza, 1995, iss. 1.
2. Bogoslovskij M.M. V.O. Kljuhevskij kak uchenyj [Klyuchevsky as a scientist]. *V.O. Kljuhevskij. Harakteristiki i vospominanija* [Characteristics and memoirs]. Moscow, 1912.
3. Borodin I. Pamjati V.O. Kljuhevskogo [In memory of V.O. Klyuchevsky]. *Sovremennyj mir* [Modern World]. 1911, no. 5.
4. Karagodin A.I. «*Filosofija istorii*» V.O. Kljuhevskogo [«History philosophy» of V.O. Klyuchevsky]. Saratov, 1976.
5. Kljuhevskij V.O. *Aforizmy. Istoricheskie portrety i jetjudy. Dnevniki* [Aphorisms. Historical portraits and etudes. Diaries]. Moscow, 1993.
6. Kljuhevskij V.O. Bedstvija gorazdo bol'she, chem knigi i lekcii, obuchili ljudej istorii [Disasters trained people in history much more, than books and lectures]. *Rodina* [Native Land]. 1991, no. 1.
7. Kljuhevskij V.O. Bojarskaja дума Drevnej Rusi [Boyard Duma of Ancient Russia]. V.O. Kljuhevskij. *O gosudarstvennosti v Rossii* [V.O. Klyuchevsky. About statehood in Russia]. Moscow, 2003.

8. Ključevskij V.O. Dnevnik i dnevnikovye zapisi [Diaries and diary records]. *V.O. Ključevskij. Sočinenija* [V.O. Klyučevsky. Compositions]. Moscow, 1990, vol. IX.
9. Ključevskij V.O. Zapadnoe vlijanie v Rossii posle Petra [The western influence in Russia after Peter]. *V.O. Ključevskij. Neopublikovannye proizvedenija* [V.O. Klyučevsky. Unpublished works]. Moscow, 1983.
10. Ključevskij V.O. Zapadnoe vlijanie i cerkovnyj raskol v Rossii XVII v. [The western influence and church split in Russia of the XVII century]. *V.O. Ključevskij Očerki i reči. Vtoroj sbornik statej* [V.O. Klyučevsky. Essays and speeches. The second collection of articles]. Prague, 1918.
11. Ključevskij V.O. Znachenie prepodobnogo Sergija dlja russkogo naroda i gosudarstva [Saint Sergy's value for Russian people and the state]. *V.O. Ključevskij. Istoricheskie portrety. Džatelji istoričeskoj mysli* [V.O. Klyučevsky. Historical portraits. Figures of historical thought]. Moscow, 1990.
12. Ključevskij V.O. *Kratkoe posobie po russkoj istorii* [Short guide on Russian history]. Moscow, 1992.
13. Ključevskij V.O. Kurs russkoj istorii [Course of Russian history]. *V.O. Ključevskij. Sočinenija* [V.O. Klyučevsky. Compositions]. Moscow, 1987, vol. I.
14. Ključevskij V.O. Kurs russkoj istorii [Course of Russian history]. *V.O. Ključevskij. Sočinenija* [V.O. Klyučevsky. Compositions]. Moscow, 1988, vol. III.
15. Ključevskij V.O. Kurs russkoj istorii [Course of Russian history]. *V.O. Ključevskij. Sočinenija* [V.O. Klyučevsky. Compositions]. Moscow, 1989, vol. IV.
16. Ključevskij V.O. Metodologija russkoj istorii [Methodology of Russian history]. *V.O. Ključevskij. Sočinenija* [V.O. Klyučevsky. Compositions]. Moscow, 1989, vol. VI.
17. Ključevskij V.O. Razroznennye aforizmy (1889–1899 gg.). [Separate aphorisms (1889–1899)]. *V.O. Ključevskij. Sočinenija* [V.O. Klyučevsky. Compositions]. Moscow, 1990, vol. VI.
18. Ključevskij V.O. Sergej Mihajlovič Solov'jov [Sergej Mikhajlovič Soloviev]. *V.O. Ključevskij. Sočinenija* [V.O. Klyučevsky. Compositions]. Moscow, 1989, vol. VII.
19. Ključevskij V.O. Sodejstvie cerkvi uspeham russkogo graždanskogo prava i porjadka [Church assistance to success of Russian civil law and order]. *V.O. Ključevskij. Pravoslavie v Rossii* [V.O. Klyučevsky. Orthodoxy in Russia]. Moscow, 2000.
20. Ključevskij V.O. Sostav predstavitel'stva na Zemskih soborah Drevnej Rusi [Representation structure at Zemsky cathedrals of Ancient Russia]. *V.O. Ključevskij. Sočinenija* [V.O. Klyučevsky. Compositions]. Moscow, 1990, vol. VIII.
21. Ključevskij V.O. *Harakteristiki i vospominanija* [Characteristics and memoirs]. Moscow, 1912.
22. Meduševskij A.N. *Istorija russkoj sociologii* [History of Russian sociology]. Moscow, 1993.
23. Mowelkov E.N. *Perehodnye processy v Rossii: Opyt retrospektivno-komparativnogo analiza social'noj i političeskoj dinamiki* [Transients in Russia: Experience of retrospective and comparative analysis of social and political dynamics]. Moscow, 1996.
24. Struve P.B. *Patriotica: Politika, kul'tura, religija, socialism* [Patriotica: Policy, culture, religion, socialism]. Moscow, 1997.
25. Syromjatnikov B.I. V.O. Ključevskij i B.N. Chicherin [Klyučevsky and Tchitcherin]. *V.O. Ključevskij. Charakteristiki i vospominanija* [V.O. Klyučevsky. Characteristics and memoirs]. Moscow, 1912.
26. Fedorov G. Rossija Ključevskogo [Russia of Klyučevsky]. *Nashe nasledie* [Our heritage]. Moscow, 1991. (Pereizdanie publikacii 1932 g.).
27. Cherepnin L.V. V.O. Ključevskij [V.O. Klyučevsky]. *Očerki istorii istoričeskoj nauki v SSSR* [Essays of history of historical science in the USSR]. Moscow, 1960, vol. 2.
28. Shahanov A.N. *Russkaja istoričeskaja nauka vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. Moskovskij i Peterburgskij universitety* [Russian historical science of the second half of the XIX – the beginning of the XX century. Moscow and Petersburg universities]. Moscow, 2003.
29. Shmidt S.O. Ključevskij i kul'tura Rossii [Klyučevsky and culture of Russia]. *Ključevskij. Sbornik materialov* [The Klyučevsky. Collection of materials]. Penza, 1995, Vol. 1.
30. Werban' N.V. Pamjati velikogo istorika. K 165-letiju so dnja rozhdenija V.O. Ključevskogo [In memory of the great historian. To the 165 anniversary since the birth of V.O. Klyučevsky]. *Otečestvennaja istorija* [National History]. 2006, no. 2.

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В.О. КЛЮЧЕВСКОГО:
НАРОД, ЭЛИТЫ, ФАЛЬСИФИКАЦИЯ***

Карабущенко Павел Леонидович, доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

Выдающийся русский историк и политолог В.О. Ключевский вошел в историю отечественной науки как один из самых проницательных и оригинальных мыслителей, предвосхитивших появление многих современных теоретических концепций – среди которых элитология и историческая герменевтика. Как историк, он решает проблему верификации исторических источников, как политолог – занимается вопросами анализа фальсификации истории правящими элитами. Но общей исторической и политологической темой его творчества является вопрос о субъекте власти (элиты), о качестве ее профессиональных достоинств и недостатков, о культуре взаимоотношения власти народа. В статье затрагиваются вопросы, связанные с деятельностью элит по их фальсификации политической истории. Причем фальсификация оказывается настолько масштабной, что фальсифицированными оказываются и сами элиты, и их лидеры.

Ключевые слова: политическая история, элита, фальсификация, достоверное, заблуждение, ложное, массы, народ, историческая герменевтика, историческая личность.

**POLITICAL HISTORY OF V.O. KLYUCHEVSKY:
PEOPLE, ELITE, FALSIFICATION**

Karabuschenko Pavel L., D.Sc. (Philosophy), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

The outstanding Russian historian and the political scientist V.O. Klyuchevsky was one of the most acute and original thinkers in native history science who have anticipated the emergence of many modern theoretical concepts – among which elitology and historical hermeneutics. As a historian, he solves the problem of verification of historical sources as a political scientist he prosecutes the subjects of the analysis of falsification of history by ruling elites. But the general historical and political subject of his creative work is the problem of the subject of the power (elite), of quality of its professional merits and demerits, of culture of relationship between the power and the people. The problems connected with activity of elites on their falsification of political history are mentioned. And falsification appears to be so large-scale that both elites and their leaders appear to be forged.

Keywords: Political history, Elite, Falsification, Authentic, Error, False, Masses, People, Historical hermeneutics, Historical figure.

В отношении народа и элиты должно быть взаимопонимание и взаимоуважение. Когда этот идеал оказывается недостижимым, элиты начинают искусственно создавать его видимость, усиленно уверяя общество в обратном. Так между народом (обществом) и элитой (властью) возникает и укореняется ложь, отягощенная еще и общей склонностью большинства самостоятельно впадать в заблуждение. История становится не историей господства истины, а историей возникновения, утверждения и преодоления ложного в общественном сознании. Особенно это видно на примере политической истории, где сталкиваются и конфликтуют интересы различных политических элит и их лидеров.

Политическая история. Политическая история является связующим звеном между исторической наукой и политологией, предполагающим их синтез и консоли-

* Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект 2012-1.1-12-000-3001-057 «Фальсификация политической истории: от достоверности идеологической к достоверности научной».